

Любовь Челюканова

**КАТЕРИНА ИДЕТ
ИГРАТЬ**
Со временем

Любовь Челюканова

**Катерина идет
играть. Со временем**

«Издательские решения»

Челюканова Л.

Катерина идет играть. Со временем / Л. Челюканова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859900-2

Как вы думаете, сколько дней проживают дети за одни сутки?
Сомневаюсь, что догадались. Просто потому, что им самим не счесть,
в какой по счету жизни они пребывают за последние двадцать
минут. В этом есть волшебство, магия, которую могут видеть
некоторые особенные взрослые. А вы видите? Открывайте книгу.
Посмотрите.

ISBN 978-5-44-859900-2

© Челюканова Л.
© Издательские решения

Содержание

1. Знакомтесь, Катя	6
2. Милая бабушка	11
3. Остров	12
4. Немного о взрослых	14
5. Хороший, но короткий день	15
6. Это ведь только сон?	18
7. Сельдереевые котлеты	20
8. Игры с куклами	22
9. Знакомьтесь, Бублик	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Катерина идет играть Со временем

Любовь Челюканова

Эта книга для родителей, который хотят чуть лучше узнать своих детей.

Эта книга для детей, которые хотят еще немного поиграть.

Эта книга и я, как мама, родились благодаря моей дочери.

© Любовь Челюканова, 2017

ISBN 978-5-4485-9900-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Знакомтесь, Катя

Босые ноги громко шлепнули об пол. Девочка улыбнулась. Игра началась.

– Прямо как квакша! – сказала она себе и еще раз прыгнула, шлепнув по полу ступнями. А потом еще раз. Так она и допрыгала до ванной, бормоча под нос что-то про квакшу, великую и ужасную. В ванной было еще больше развлечений. Чего стоил один только тюбик с пастой. На этой неделе мама кладет уже второй. А еще только среда.

Девочка ловко выстреливает крышкой тюбика, а за ним и струйкой разноцветной зубной пастой. Такая трехцветная отлично подходит для боевого окраса. Жаль только щеки и нос от нее слишком быстро начинает щипать. В прошлый раз пришлось через 10 минут смыть, так и не дождавшись в засаде, когда заспанный папа поползет бриться.

Вообще ее папа был ползуном только по утрам. Все остальное время его было просто не поймать, он летал как пуля с пропеллером. По крайней мере, так утверждала мама. Девочка своими глазами не видела пули с пропеллером и не могла сказать, похож ли на нее папа. Но вот ползунов она за свой долгий век навиделась. Да еще самых разных! Когда – нибудь она напишет книжку про ползунов и расскажет всем, какие они бывают. Эта книжка сделает ее знаменитее бабушки. Но это потом, после того, как девочка побудет врачом, художником и пираткой.

Чистка зубов пополам с носом закончилась фехтованием с губкой. Губка имела форму медведя и ужасно не нравилась девочке. Поэтому, каждое утро губка подвергалась пронзению щеткой, а уж в зависимости от настроения девочки щетка оказывалась шпагой, штыком, лазером, из которого Отвратительный бандит Медведь-Губка нещадно расстреливался юной, но ужасно ловкой, смелой и прекрасной героиней. Когда дырок в губке станет больше, чем не дырок, мама со вздохом выбросит ее и купит новую. Может, новая будет в форме утки? Это давало новое место для игр, но пока утки нет, нужно как следует разделиться с медведем.

– Ха-ха- ха! – сказала девочка, величайший злодей мира, опуская пойманного медведя в чан с кислотой. В прошлую пятницу она видела эту сцену по телевизору и загорелась желанием воплотить ее в жизнь. Правда в качестве чана с кислотой использовалась раковина, полная мыльной воды, но разве это важно?

– Хахаха! – повторила девочка. – Ну вот ты и попался, грязный...

– Катерина, ты уже умылась? – это был не вопрос, а железное утверждение. И маме даже не нужно было заглядывать в ванную, чтобы убедиться. Она и так знала. – Иди завтракать.

– Сейчас, мам-зай! – закричала Катя, хотя в этом и не было необходимости. Но кричать так приятно. Крик приподнимает тебя над полом и можно представить, что ты летишь. И, кроме того, тебя слышат все!

– Упустишь папу, – спокойно ответила мама, никак не отреагировав на «мам-зай».

Обычно мама бурно реагировала на эту приставку. Дело в том, что когда родители были еще не такие старые, и у них только появилась Катя, папа очень часто путал и называл маму зайкой. Катя на все это посмотрела и тоже начала путаться. Говорила «зай-мам» и «мам-зай».

Мама пыталась с этим бороться – сердилась, уговаривала, договаривалась, соблазняла, но все попытки были тщетны. А вот теперь просто взяла и не обратила внимания. «Наверное, какой-то новый педагогический приемчик», – хмыкнула умница Кэт.

Но на кухню пошла. А то чего доброго действительно упустит шанс пообщаться с папой. Да и пахнет из кухни вкусно. Маминой фирменной яичницей «Все, что есть у меня». Бабушка ворчливо называет яичницу «Бурда».

Девочка добралась на кухню по-крабьи. Хоть родители ей и не верили, а по-крабьи ходить быстрее всего. Мало того, что пользуешься руками и ногами, так еще и подпрыгиваешь! Вот и двигаешься быстрее лошади. А всякие домыслы, что крабы не прыгают, Катерина отметала сразу.

Немного задержавшись у кухонной двери, краб-Катя подумала, как здорово, что она выбрала такой быстрый способ передвижения. А то коридор такой длинный и другим шагом пришлось бы идти полгода.

За столом ее уже ждали. Строгий мам-зай и папа, еще не ставший пулей с мотором, но уже и не ползун. Улыбается. Это Катя точно знает, хоть папа и прикрылся газетой. Глаза сверкают даже сквозь страницы. Наверняка задумал какую-то шутку. В этом он очень похож на Катю. Так и норовит устроить какой-нибудь веселый розыгрыш. Но дочку-то ему не провести, она сразу распознает, куда не нужно садиться, иначе громко пукнешь подушечкой, и какой стакан с соком лучше не брать, чтобы не почувствовать во рту резиновый вкус искусственного глаза. А вот мама этого никогда не чувствует. Катя вообще больше похожа на папу. И все считают, что со временем она станет такой же пулькой с элегантной женской моделью моторчика. Она уже и сейчас летает, как говорят все окружающие. Хотя самой будущей пульке кажется, что она ходит и двигается очень медленно, почти ползает. И даже то, что она смела свою порцию завтрака прежде, чем мама попала на очередную шутку папы, совершенно не убедило девочку, что она быстрая.

Доев завтрак, Катрин совершила нападение на папу. Она обошла его, ступая шпионскими шагами, и прыгнула сзади. Его спина была напряжена и девочка расстроилась – вычислил. Но тут папа перехватил ее, умудряясь одновременно тянуть и щекотать. Аккуратный, точно рассчитанный рывок, и Катя, как заправская парашютистка, с хохотом, приземлилась на папины колени. От папы пахнет табаком. Катя пока еще не знает, что это за зверь такой – табак. Знает, что мама зажимает нос, называет папу вонючкой и выгоняет его общаться с табаком за дверь. А вот самой Кате табак нравится. Табак – это папа. А папа – это табак.

Папа прижимает ее к себе. Из кармана его рубашки выглядывает краешек конфетной обертки. Катя вопросительно смотрит на папу, и он кивает ей, улыбаясь.

– И без зубов, – беззлобно ворчит мама. У нее в руках тоже фантик от конфеты. Только пустой. И когда только успела?

Папа встает с виноватой улыбкой – утренняя встреча закончена. Он еще раз прижимает Катю и ставит ее на стул, на котором только что сидел. Босыми пятками девочка чувствует, какой стул теплый. Она слегка пританцовывает на стуле, держась за спинку, а папа тем временем целует маму. Как и положено, пять раз – левая щека, правая щека, лоб, кончик носа и губы. Катя могла бы тоже поцеловать папу и повисеть у него на шее на прощание, но сегодня у нее было настроение побыть взрослой и серьезной. А взрослые и серьезные не позволяют себя облизывать, как мороженное. Не то чтобы Катя не считала своих родителей взрослыми или серьезными. Они просто влюбленные. Это так бабушка говорит. А у влюбленных в голове совсем не то, что у обычных взрослых. Они как марсиане или эльфы – логики от них не жди. Это тоже бабушкины слова, но Катерине они нравились и, когда она хотела поиграть во что-то совсем дикое, играла в марсиан или эльфов. Или в папу с мамой.

Но вот папа все же ушел, помахав им рукой. Мама и дочка переглянулись и ринулись к окну. Оттуда папа обычно тоже махал.

Это была самая быстро проходящая часть дня. Сразу после этого время замирало и кралось к вечеру мелкими осторожными шажками. Мама возилась с домашними делами, бабушка стучала клавишами и фыркала у себя в комнате. Катя играла, бегала, прыгала, пела, таскала с кухни маленькие щепотки хлеба и сыра. Иногда она немножко уставала,

а тогда садилась на пол и придумывала новые развлечения. Ей не было скучно или неинтересно.

Просто вечером должен был вернуться папа.

И тянулся день, очень тянулся.

Так тянулся, что если бы Катя была бы производителем жевательной резинки, она была бы уже сказочно богатой. Наверняка она будет сказочно богатой и знаменитой. Но это потом, не сейчас. А сейчас так приятно поиграть в то, что ты в сказке... И что ты – королевский пони!

– Игого! И! Го! Го! Иго! Го!

– Эй, лошадка, – вмешивается мам-зай. – Ты бы лучше занялась чем-нибудь дельным. Мусор, например, выбросила.

Катя сморщила нос. Она старалась делать это, как леопард перед прыжком. Выносить мусор – самое неприятное. Даже хуже, чем мыть посуду.

– Может, бабушка вынесет мусор? А то она, наверное, устала пить чай и стучать пальцами по клавиатуре.

В этот момент бабушка, будто подслушав разговор, выглянула из комнаты и, погрозив Кате пальчиком, белым и бугристым, словно слепленным из мокрого снега, заказала маме еще чашечку чая.

– Не забудь добавить туда бэйлиса, – дружелюбно напомнила бабушка. – Он повышает мою работоспособность.

– Конечно, Наина Степановна, – мама закивала головой. А Катя скривилась. Уж она-то не позволяла бабушке помыкать собой. Правда и сама помыкать ею не могла. Слово помыкать заинтересовало пытливым ум девочки, и она решила на досуге, минут через десять, поиграть в помыкание. Тем более что она уже придумала с кем.

– Не называй меня этим ужасным именем! – взвывала тем временем бабушка. – Я – Инесса Блимм.

– Баб Най, а что значит «Блинн»? – тут же встряла Катя. Бабушка приложила руку ко лбу, собираясь упасть в обморок, но, обнаружив, что вокруг нет ничего мягкого, передумала.

– Занеси чай мне в комнату, – послышалось из-за закрытой двери, куда ретировалась бабушка.

Мам-зай сурово посмотрела на дочь, но потом не выдержала и хихикнула:

– Не Блинн, а Блимм, – пояснила она, отсмеявшись.

– Да я знаю, – пожала плечами Катя. – Но Блимм – это как-то бессмысленно, а Блинн хотя бы вкусно.

Мама, продолжая улыбаться, резко сменила тему:

– Ну, так как с мусором? Как видишь, бабушку не удастся заслать.

– Ладно, ладно, – буркнула Катерина и поплелась на кухню за ведром.

Ну почему день тянется так долго, а утро и вечер так быстро кончаются? Днем никогда не происходит ничего по настоящему хорошего. Никто не бежит с тобой по всему дому, не ест мороженное из одной с тобой мисочки китайскими палочками и не смотрит всей семьей смешное кино по телевизору. Когда Катя станет королевой всей земли, она издаст указ, чтобы утро и вечер были такими же, как день, а еще лучше – длиннее.

Дорога до мусорных бачков оказалась ожидаемо скучной и длинной. Зато на обратной дороге встретился сосед Васька, закричавший, что баба с пустым ведром навстречу – это к беде.

– Это кто тут баба?! – завопила Катя, пускаясь в погоню за Васькой и размахивая ведром не то как пропеллером, не то как джедай мечом. Она еще не решила. – Это кто тут пустое ведро?!

Счастливая, измазюканная в свежее образовавшейся после дождя грязи и гордо неся перед собой не менее грязное ведро, Катя вернулась домой.

Мам-зай молча отобрала у нее ведро. Уже из кухни она сквозь зубы буркнула:

– Иди умойся! Уж лучше бы сама вынесла.

Катя не понимала этого стремления взрослых всегда оставаться чистыми. Конечно, быть иногда чистым – приятно. Но от хорошей качественной грязи еще никто не умирал.

Более того, грязь полезна! По крайней мере, так написано в одном из маминых журналов.

Там было написано, что грязь помогает сохранять молодость кожи и лечит все болезни. Тогда совсем непонятно, почему такая суматоха из-за нескольких пятнышек грязи.

Но все же Катя мужественно направилась в ванную, оставляя на полу аккуратные отпечатки тапочек грязного цвета.

После того как мам-зай отстирала в ванной сначала Катю, затем ее одежду и, наконец, прошлась тряпкой по следам на полу, заявив Кате, что она сама – заяц, раз так петляет при ходьбе, они сели вместе рисовать.

Вообще мам-зай очень даже неплохо рисует. По крайней мере, Кате нравится. Папа по секрету рассказывал, что до рождения Кати, мам-зай рисовала комиксы и на это жила.

Девочка считала, что мамы рисунки гораздо лучше и интереснее всего, что выставляют в музеях. Обычно их совместные рисунки выходили этакой помесью комиксов и наивного искусства. Катя не очень представляла, что это значит, но бабушка заявляла это тоном знающего человека, и девочка была склонна ей верить.

Вот и сейчас на бумаге приплясывал волк в красной шапке, нарисованный Катей и больше похожий на серо-красную кляксу, которую размазали по бумаге пальцем. Катя любила краски. Они яркие, и ими хорошо получается рисовать настроение. Порой рисунки будущего великого художника напоминали подобие радуги со свежее изобретенными цветами.

А вот мама предпочитала черную гелевую ручку. Сейчас создания этой ручки – около десятка поросят, застывших в различных позах, по большей части призванные убедить зрителя, что поросята знакомы с кунг-фу, – окружили кляксу-волка. Один из поросят приобрел облачко над головой, в котором завитушечными буквами было написано: «Отдавай Красную шапочку!». Неподалеку от этой живописной группы мама пририсовала еще двух поросят.

Один из них танцевал, а второй сидел в луже и был доволен жизнью. Во рту у него был круглый леденец на палочке. Катя немедленно добавила обоим поросятам балетные пакки красно-серого цвета. Вышло мило.

– А зачем они хотят вернуть Красную шапочку? – спросила Катя, сосредоточенно грызя кисточку. – Они же не были знакомы. Да и она, наверное, уже переварилась. Разве приятно смотреть на переваренного человека?

– Бее, – поморщилась мама. – И откуда ты этого набралась?

– Васька сказал, – покаянно призналась Катя. – Он сказал, что все, что попадает в живот, переваривается и становится как будто это уже кто-то ел.

– Умник, – фыркнула мама. – Волк проглотил Шапочку, не жуя. А не разжеванная пища переваривается труднее и дольше. Именно поэтому я и прошу тебя тщательно жевать. Так что у Шапочки еще есть шанс.

– Понятно, – сказала Катерина. А для себя решила, что никогда не будет жевать, чтобы у пищи был шанс.

– Мы с тобой зарисовались... – сообщила мама. – Папа уже через два часа придет. Пора мне идти ужин готовить. Поможешь?

– Может быть, – неопределенно ответила Катя. Еще целых два часа! Как долго тянется день!

– Я скажу папе и бабушке, что ты помогала мне готовить, – заговорщицки подмигнула мама. – Им будет приятно.

– Ну хорошо, – согласилась Катя. Слишком легко, на мамин взгляд.

И совсем по взрослому заявила:

– Нужно же убить как-то время.

– Убить время... – эхом откликнулась мама. – Ну да, ты еще можешь себе это позволить, – мама улыбнулась и показалась Кате какой-то несчастной. Девочка порывисто обняла уставшую, сидящую на полу женщину, измазав ее красками и, как ни в чем не бывало, запрыгала на кухню, напевая: " Я бабочка, я бабушка, я слон...»

Мам-зай поднялась с пола с улыбкой и даже не попыталась возмутиться по поводу измазанной одежды. Как прекрасно, что у нее есть такая замечательная дочь. И как всегда остаток дня будет наполнен играми, смехом и радостью. Особенно, когда вернется папа... То есть Муж... То есть Котик... Окончательно запутавшись в именах, мам-зай пошла на кухню, где Катерина Великая и Ужасная устроила великий и ужасный грохот и звон тарелками.

2. Милая бабушка

Бабушка выглянула из своей комнаты и, убедившись, что невестка с внучкой заняты на кухне, проскользнула к телефону. При скольжении она немного поскрипывала. Но это, скорее, было волнение, чем старость.

Набрав номер, она стала ждать, поглядывая в коридор, ведущий в комнату, и нетерпеливо постукивая ногой в изящной шелковой туфельке. Выходя на улицу, бабушка одевалась строго: в различные оттенки серого, с одной-единственной яркой вещью – желтым шелковым платочком, свернутым в форме розочки. На самом краешке розы виднелись чьи-то инициалы, но бабушка никогда и никому не рассказывала, чьи они. Дома же, по маминим словам, бабушка ходила как по гарему. Обычной ее одеждой были цветастые, широкие шелковые халаты, такие же шаровары, постоянно смешившие Катю, и расшитые бисером шелковые башмачки. Правда, бабушка утверждала, что это – настоящие драгоценные камни, просто мелкие, но никто ей не верил.

– Розочка, – жарко зашептала бабушка в трубку, услышав в ней спокойное «да-да». – Их сегодня не будет, едут в гости. – Бабушка отчаянно грассировала и гнусавила, стараясь добавить в слова французский акцент, и вместо «г» у нее получалось хрипящее «ххрр», а вместо «е» – забористое «ией». – Приезжай! Жду!

Сухо чмокнув трубку, бабушка легкой пританцовывающей походкой прошаркала в свою комнату, где ее дожидался остывший до ледяного состояния чай. На радостях она так хлопнула дверь, что Катя высунула перепачканную в муке мордочку в коридор и философски заметила:

– Раз хлопают двери, значит, кто-то куда-то выступил.

– Вышел, – поправила мама из кухни. – Не отвлекайся.

– А чего мы столько готовим? Мы что, это с собой в гости возьмем? – спросила Катрин, задумчиво разглядывая гору продуктов, которые мама собиралась приготовить.

– А мы сегодня не пойдем в гости, – сообщила мам-зай, стряхивая с рук муку. – У них Ванечка заболел.

– Так ему и надо, – отреагировал жестокий ребенок по имени Катя. – Он моему щенку ухо оторвал. А вообще правильно, что мы не пойдем. Вы же не хотите, чтобы я заразилась ваничковой болезнью и отрывала всем уши!

– Да уж, – вздохнула мама. – Ты и без ваничковой болезни о-го- го!

– Иго-го, – согласилась Катя. – Так куда это лить? А то оно какое-то липкое.

– Кажется, в унитаз, – сориентировалась мама, глянув на смесь в Катином тазике.

3. Остров

Поэтому когда «баба Разорю», сверкая белозубой улыбкой, которой была обязана безумно дорогой вставной челюсти, явилась в дом, там ее ждала растерянная Катина бабушка и остальные члены семейства.

– Ну... Собственно, вот... – развела руками бабушка.

– А мы куда не пошли! – подпрыгнув на месте, сообщила Катя.

– Вижу, вижу, – добродушно усмехнулась баба Разорю, а потом поджала губы в сторону Катинной бабушки.

– Давайте ужинать, – любезно предложила Катина мама, и не подозревая о том, какая битва только что разыгралась между двумя пожилыми женщинами.

– Конечно, конечно, – улыбнувшись, кивнула Роза Рюриковна.

Ужин прошел в тишине. Даже когда папа, хитро улыбаясь, сообщил, что завтра у него выходной и все семейство может отправиться в зоопарк, мама только глухо поперхнулась, а Катя тихо вякнула. Папа поначалу обиделся. Он ожидал бурных восторгов, плясок на стуле и воплей. А тут... Но он не умел долго обижаться. Да и слишком устал для этого. Поэтому быстро остыл к собственному предложению.

Зато им заинтересовалась пожилая гостья.

– Зоопарк! Как прекрасно! Я тысячу лет не была в зоопарке! – воскликнула она, сверкнув огромными очками. – Вы не будете против, если я пойду с вами? Мне захотелось вспомнить время, когда я была совсем маленькой!

– Баба Розарю была маленькой? – громким шепотом удивилась Катя. Пока мама пыталась укорить Катерину и потребовать, чтобы она извинилась, гостья развернулась к ней, улыбаясь.

– Милая Катхен, – почти пропела она. – Позволь мне поинтересоваться, почему ты зовешь меня баба Розарю?

– Ей просто тяжело еще даются некоторые сочетания звуков, – вмешался папа, решив придушить скандал в зародыше. – Не всякий взрослый может выговорить – Роза Рюриковна. Чего же вы хотите от ребенка?

– Это я понимаю, – отмахнулась гостья. – Но почему она зовет меня бабой? Разве я настолько стара?

– Что вы! – воскликнула мама. – Просто она зовет бабой Раису Степановну. А раз вы дружите – и вас...

– Вот как? – сухо осведомилась Роза Рюриковна и замолчала.

Инесса Блимм тихонько вытерла кружевным платочком слезинку, так некстати появившуюся в уголке глаза. Вечер был окончательно испорчен.

Катрин не понимала, почему взрослые придают такое значение именам. Она, конечно, бегала за Васькой, когда он обозвал ее бабой с пустым ведром. Но это произошло только потому, что бегать весело. А бегать за мальчишками с криками и ведрами – еще веселее.

Взрослые этого не понимают. Они обижаются на слова и сидят с лимоновыми лицами, вместо того, чтобы побегать и повеселиться.

Хотя, что с них возьмешь? Это же не они виноваты, а время. Мам-зай рассказывала Катеньке, почему бабушка такая сморщенная и ходит медленно и с пришаркиваниями. Это время накидывает на нее невидимые сетки, и они прилипают к коже и придавливают к полу.

В голове Кати возник ужасный образ – баба Ная, вся в рыболовецких сетях. Девочка помотала головой и поудобнее устроилась под подушкой. Там она пряталась от назойливого

комара, то и дело пролетавшего рядом. Он нахально жужжал, и Катерину раздражала эта демонстрация силы. Она бы давно включила свет и устроила бы комару бой со свернутой газетой и тапочкой. Но она обещала родителям, что будет спать и хорошо выспится, чтобы «не тереть глаза в зоопарке».

Девочка тут же представила, как приходит в зоопарк и трет глаза обезьянам, слонам, бегемотам. А потом берет стремянку и трет глаза жирафу. Родители еще не спали. Из-под двери пробивался слабый свет. Значит, они сидят на кухне, попивают чаек и папа курит. Курить – это значит общаться с табаком. Родители тщательно скрывают от девочки суть этого процесса, но разве можно что-то скрыть от хитроумного инспектора Катерины Холмс? Ничего интересного в курении нет. Кроме колечек, которые выплывают из папиного рта.

Девочка еще немного поворочалась. Комар утих. Видимо, хитрая тактика сработала.

Вытащив голову из-под подушки на свежий комнатный воздух, Катя в последний раз посмотрела на звезды, неясно мерцающие на потолке, и решительно зажмурила глаза.

Почти тут же она оказалась на борту огромного корабля. Вокруг бушевало сине-нево-серое море.

Корабль то поднимался, то опускался и при этом потрескивал, как игрушечный пистолет. В руках Катрин был огромный штурвал, который она с легкостью удерживала. На правом глазу черная повязка, а где-то в небе верещал попугай.

– Йо-хо-хо! – хрипло рассмеялась юная пиратка и выпустила изо рта целую толпу колечек. Впереди маячил остров.

Катрин начала вертеть штурвал, раздавая приказы своей невидимой команде. Слова команде были не нужны, они все понимали с полувзгляда. Но капитан сделала себе пометку: длинным скучным днем узнать, как называются все эти непонятные палки и веревки. И вот остров уже совсем близко. На берегу подпрыгивают темнокожие мальчишки и девчонки в соломенных юбках...

– Дай-ка я порулю, милая Катхен, – раздался голос откуда-то сверху, и морщинистые руки перехватили штурвал.

Баба Розарю отпихнула девочку в сторону. Упав прямоком на попугая, Катя сперва даже испугалась. Она сидела на слабо трепыхающейся птице и со странным чувством смотрела на старушку, уверенными движениями разворачивающую корабль обратно в море.

А потом она очнулась и кинулась на обидчицу.

– Это мой сон! Я здесь капитан и решаю куда плыть! – завопила девочка.

– Я, я, – с презрительной улыбкой отмахнулась захватчица. – Тебе пора перестать думать только о себе. Это некрасиво и не пристало юным леди.

– А ко всяким бабам пристало врываться в чужие сны? – захлебнулась словами Катя.

– Что? Дерзкая девчонка! – Розарю нахмурилась, бросила штурвал и направилась к Катхен.

4. Немного о взрослых

Но тут девочка проснулась. Из-под двери по-прежнему, как непокорные волосы Рапунцель, выбивался свет. Родители еще не спали. Катя вздохнула, прихлопнула комара, как раз устроившегося у нее на руке, и заснула. Что ей снилось на этот раз? Какая-то приятность.

Она улыбается во сне. И без всяких вторжений.

– Ну, и зачем нам эти старушенции? – расстроено спросил Никита, по совместительству Катин папа. Он тихонько дрыгал ногой в такт неслышной музыке и помешивал остывший чай. – Я хотел побыть с тобой и с Катькой.

– Я знаю, – кивнула Арина, в свободное время подрабатывающая Катинной мамой. Она нервно крутила пальцами локон и следила за движением ложки в чашке мужа. – Но мы просто не могли им отказать. Они пожилые женщины... И ты, конечно же, помнишь, что одна из старушенций – твоя мама.

– Угу, – помрачнел Никита. Он по привычке воровато оглянулся, прежде чем закурить.

– Да брось, она давно знает, что ты куришь, – фыркнула Арина.

– Кто? Мама? – встрепенулся послушный сын.

– Да нет, Катерина, – мам-зай хихикнула. – Вчера застучала ее за пародией на курение.

– Это как? – нахмурился строгий папа.

– Нашла игрушечную ракету. Ну, ту, помнишь, с фотографией Гагарина внутри.

И стоит, грызет ее. А потом открывает рот, делает губки буквой «о» и пыхтит. Смотрит грозно и говорит: «Ну и кто тут главный по колечкам?».

– Смешно, – фыркнул Никита. – Так что с бабушенциями? Они точно пойдут?

– Ага, – кивнула Арина. – И им тебе тоже придется купить мороженое.

– Да не в этом дело. Эта баба Розарю какая-то странная и неприятная.

– Прямо как пятно на твоей рубашке! – сострила женщина. Но ее муж не улыбнулся и даже не хмыкнул.

– Мне говорили, что в молодости она баловалась какими-то оккультными штучками.

– И ты веришь в глупые слухи, что ей триста лет?

– Слухи слухами... А она мне неприятна.

– Ну а что тут сделаешь? Не могу же я им сейчас сказать, что мы пойдём без них.

Твоя мама опять будет плакать...

– А она плакала? – Никита даже чай мешать перестал.

– За ужином, когда ты сказал, что мы идем втроем.

– Ну, хорошо... Но лучше бы мы сегодня пошли в гости!

5. Хороший, но короткий день

В зоопарке было немногочленно. Так обычно и бывает в среду. На лавочке сидели две пенсионерки. У львиного вольера ела мороженое компания студентов. В пакетах у них что-то позвякивало, но пока что прохладная сладость интересовала их больше.

– Может, скинем наших бабушек к вон тем милым дамам на скамейке? – прошептал Никита. Но в этот момент Наина Степановна и Роза Рюриковна окинули пенсионерок такими ледяными взглядами, что Катин папа тут же отступил. – Пожалуй, пойду схожу за мороженым.

А Катеринка уже влезла на бортик перед клеткой с обезьянами и вовсю дразнила животных. Обезьяны мрачно смотрели из-под низких лбов, но никак не реагировали. Катя начала злиться.

– Эй, хвостатые! – закричала она. – Я есть хочу! Киньте в меня бананом!

– Это реплика обезьян, – сказала мама, отрывая дочь от клетки. – Не надо отбирать у них законно заработанный банан.

– А что они такие скучные? – возмутилась девочка. – Я и то веселее!

– Это точно, – вздохнула мама. – Пойдем птиц посмотрим, может, они тебя развеселят. Тем временем две пожилые леди, Инесса Блимп в строгом сером костюме с желтым платочком в кармане и Роза Рюриковна в скромном синем платье и кокетливой шляпке, оживленно перешептывались.

– Розочка! Ну зачем ты с ними напросилась? Мы бы могли остаться дома и провести ритуал! – расстраивалась Катина бабушка.

– Днем? Не смей меня, – фыркала на это Роза. – Его даже вечером проводить опасно, а ты хочешь днем.

– Но когда же? Когда? – патетически шептала Наина. – Я вся горю! Я в нетерпении!

– Если так горишь, то давно нашла бы способ спровадить своего милого сыночка и его семью куда-нибудь! – отрубила непреклонная старушка в синем. – Вон, Инна Аркадьевна купила своим двухнедельное путешествие на пароходике.

– Инка богатая, – возразила старушка в сером.

– Ты тоже не бедная, раз решила прибегнуть к моим услугам. И хватит об этом, – огрызнулась Роза Рюриковна. – Мне нужно четыре ночи, так найди способ мне их предоставить! А вот и мороженое, – тон пожилой дамы моментально изменился. Глаза излучали ласку и добродушие. – Спасибо, милый Китхен!

По дороге домой произошло маленькое чудо. Навстречу грустившей семье попался целый детский сад! Детей вели в зоопарк. И, несмотря на постоянные окрики и укоры воспитателей, дети не могли сдержать возбуждение и радость. Они жужжали, гудели, подпрыгивали и смеялись.

Мам-зай, Катина бабушка и Катин папа сразу заулыбались. А сама Катерина, отбросив внутренние страдания, принялась тархтеть, жужжать, гудеть, подпрыгивать и смеяться. Дети тут же позабыли про воспитателей и про зоопарк и окружили девочку, возбужденно приветствуя ее и тут же вываливая поток новостей.

– А Мишка недавно разбил голову на качелях!

– Сегодня нам дали вкусный яблочный сок и невкусную манную кашу!

– У Ани новая кукла, а у Вадика самокат.

– Витька влюбился в Светку!

– Сам ты в нее влюбился!

– Сок, правда, был очень вкусный!

– Мама сказала, что слон это ушастый пылесос!

- В зоопарке нам обещали мороженое!
- Так кто из вас в меня влюбился?
- Вадик, а ты мне дашь на самокате покататься?

Катя впитывала все, что ей говорили, даже не пытаясь отвечать. Она сделала пометку, что надо будет поговорить потом с Вадиком и Аней и выяснить, что же там со Светкой.

- Сколько милых детишек, да, Катхен? – этот голос заглушил все. Катя рассвирепела.

Что нужно этой бабе Розарю? Она что, теперь всегда будет вмешиваться в самый интересный момент?

Но дети окружили ее слишком плотной толпой, да и бросаться на взрослых вроде как неприлично. Поэтому Катерина демонстративно отвернулась от надоедливой бабульки и сделала вид, что полностью поглощена новостями детсадовцев.

Дома было тихо, несмотря на папино присутствие. Роза Рюриковна распрощалась со всеми сразу после того, как от Кати отлепили детский сад. Она сослалась на внезапно возникшие дела и откланялась. Катрин до того никогда не видела, как по-настоящему откланяются, и заинтересовалась было. Но тут же одернула себя, напомнив, что это та самая баба Розарю, которая влезла в ее сон.

Бабушка тихонько уползла в свою комнату. Стучать клавишами и запивать неудачный день чаем. Кате не захотелось веселить ее. Папа и мама скрылись на кухне. Гремели посудой и шушукались. Туда Катерину не пустили, закрыв дверь у самых веснушек на носу.

– Любопытной Катрине на кухне носик прищемили, – философски заметила девочка и направилась к себе в комнату. Там она начала прокручивать вчерашний сон. Благо и корабли, и куклы у нее были. И в тот момент, когда кукла Розарю попыталась захватить власть на корабле, кукла-капитан Катерина с гневным воплем выбросила ее за борт.

– Вот так, – покровительственно сообщила девочка, отряхивая руки. – Теперь-то ты знаешь, кто капитан на моем корабле.

На секунду ей показалось, что кукла, валяющаяся за бортом, скорчила рожу. Катя зажмурилась. Когда она открыла глаза, все было, как и положено. Никаких рож. Зато в большой комнате включились мультики! Крабьей походкой, на крейсерской скорости Катя пролетела по коридору, умело избежала столкновения с тумбочкой и очутилась в гостиной.

На кресле сидел хитро улыбающийся папа. Он похлопал рукой по месту на диване рядом с собой.

– Мама меня выгнала, – пояснил он в ответ на вопрошающий взгляд девочки. – Сказала, что ты помогаешь ей куда лучше, чем я.

– Что же ты такое сделал? – изумилась Катя. Она прикинула, что может быть хуже жижи, которую она вчера наготовила, но ничего придумать не смогла.

- Да просто путался все время то под ногами, то под руками, – усмехнулся папа.

– Какая-то она к тебе добренькая, – вздохнула Катерина. – Чтобы меня выгнали из кухни, мало путаться под руками.

– Иди сюда, бука! – засмеялся папа. – Так вот ты как маме помогаешь? Ну да ладно, давай смотреть мультики!

Катя подумала, что смотреть мультики с мамой – одно удовольствие, а с папой – другое. Маму же нельзя завалить на пол и прыгать по ней, размахивая подушкой. А вот с папой при просмотре «томаджерров» такое само собой происходит каждый раз.

Можно смотреть и другие мультики. Но при них такого побоища не получается. Когда смотришь другие мультики, хочется подпевать, подвывать, молча забиться в кресло, одним глазом во что-нибудь играть или рисовать.

Катя с упоением проделала все по очереди. А когда пришло время – завалила папу-мамонта и принялась исполнять на нем воинственный танец. Но вот мама позвала всех на ужин...

– Как ужин? – изумилась Катя. – День же только начался!

– Нет, хорошая моя, уже вечер. Ужинаем и спать.

– Но это же просто нечестно! – рассердилась девочка. – Обычные дни такие длинные!

А стоило случиться выходному, и он закончился, а я еще не успела проснуться!

– Катерина, – строго сказала мама. – Иди за стол. Ты прекрасно знаешь, что со временем ничего нельзя сделать.

– Нет, не знаю, – заупрямилась девочка. – Не буду ужинать, буду обедать!

– Пожалуйста, – мама поставила на стол пустую тарелку и строго взглянула на дочь. – Можешь даже позавтракать. Но сразу после завтрака – в постель.

– Ну почемууууу! – заныла было Катя. Но вспомнила, что давала родителям слово не ныть.

– А вот и я с помытыми руками! – улыбающийся папа подмигнул дочери. Катя сразу повеселела.

– Подушечка или в соке? – одними губами спросила она.

– Лучше. В ванной! Пойди посмотри, – так же ответил папа и громко добавил, – А у Катюши чистые ручки?

– Грязные! – радостно взвизгнула девочка и побежала в ванную. Там, на белом полотенце, синими чернилами было написано: «Салют, карапузики! Кто тут первый в очереди на вытирание?»;

– Неожиданно, – пробормотала Катя, представляя мамину реакцию. Но потом вспомнила папину улыбку. Чернила, наверное, исчезающие.

6. Это ведь только сон?

Но посмотреть на маму, когда она увидит шутку, Катя не смогла. Сразу после ужина ее проводили в кровать. Поворочавшись для порядка, девочка закрыла глаза и сразу заснула. Уж очень утомительным оказался этот короткий суматошный день. Снова во сне рядом было море. Но Катя была уже не на корабле. Она лежала на берегу острова. Вокруг плавали неровно обломанные доски. Неужели корабль разбит? Но зато пиратка Катрин добралась до берега! Она вскочила и начала отплясывать на песке джигу. Девочка не знала, как натанцуется джига. Но какая разница? Любой бывалый моряк, увидев, какие кренделя выписывают Катрины ноги, мог бы восхищенно воскликнуть: «Вот это настоящая джига!».

Мог бы, если бы он здесь был.

Пиратка сразу скисла. Во сне возможно все, и поэтому Катина голова временно превратилась в лимон.

Что стало с ее незримой командой? Что и почему случилось с кораблем? Она – единственная, кто выжил? И что случилось со старухой? Столько вопросов! Но на голодный желудок искать ответы бесполезно.

Поэтому отважная Катрина вернула себе собственную голову, изобразила хищную улыбку, которой испугался бы и тигр, и зашагала вглубь острова.

Тут и там шевелились темные листья непонятных растений. Почему так темно? Сейчас ночь? Катя взглянула на небо и увидела, что солнце почти спряталось за горизонт, но все еще раздает красные лучи. Этого было достаточно, чтобы не сбиваться с пути. Но недостаточно, чтобы не падать.

– Ой! – девочка споткнулась о корень, выступающий из земли, и приземлилась на колени и ладони. Постояв немного на четырех лапах, пытаюсь превратиться в ягуара, она села, а затем и улеглась в траву. Ягуар не получился. Зато звезды здесь красивые. Правда, мерцают как-то слабо, будто у них заряд кончается. Может быть, это из-за солнца?

– Вот она! – раздалось у Катерины над головой. И тут же звезды закрыли несколько круглых силуэтов. – Это та самая пиратка, что продавала ваших братьев в рабство!

Катю схватили сразу несколько рук и быстро завертели, оборачивая толстой волосатой лианой. Девочка узнала голос, который выдал ее. И окончательно поняла, кто подстрекал мирных островитян напасть на нее, когда услышала:

– Здравствуй, милая Катхен.

Проснулась Катя оттого, что кто-то поцеловал ее в нос.

– Ну что за телячьи нежности? – сонно возмутилась девочка. Хотя она уже узнала любимые мамины духи, на всякий случай решила побурчать. Глаза открывать не хотелось. Но ее теребили и щекотали мамины руки. Наконец, глаза открылись, и Катя с хохотом сползла с кровати на пол.

– Встала, встала.

– Ну, вот и хорошо, – сказала мам-зай. – А то мне уже пора убежать.

– Куда? – сон окончательно растворился в солнечном свете.

– На работу, – пожалала плечами мама. – Сегодня у меня первый рабочий день.

Иди умывайся. Покормить я тебя не успею. Но завтрак на столе.

– А папа? Он остается дома вместо тебя?

– Нет, папа уже ушел. Ты остаешься с бабушкой, – вздохнула мама. – Я знаю, это не самый лучший вариант.

– Не то слово, – опечалилась девочка. – Она не будет со мной играть. Она все время сидит в своей комнате и стучит. И она скучная!

– Ну, одежда-то у нее веселая, – хихикнула мам-зай и снова посерьезнела. – Это ненадолго. Скоро ты пойдешь в школу, и там все будут веселыми.

– Да уж, мне рассказывала Нинка-картинка со второго этажа.

– Да? Ну видишь, как здорово! Ну, мне пора, – мама чмокнула Катю в лоб, не уточняя, что же рассказала ее дочери троечница Нина Картина. – Не забудь почистить зубы.

Как она заснула, Катя не помнила. Но проснулась она уже на острове. Здесь, как и прежде, был вечер. Солнце все так же висело над горизонтом. Девочка попыталась пошевелиться, но оказалось, что она привязана к столбу. Рядом тлел костер. А на другом краю деревни стоял большой бамбуковый дом.

Все, как в кино. Только когда в кино положительного героя привязывают к столбу, ты всегда точно знаешь, что ему удастся сбежать. А Катя совершенно не представляла, как ей спастись. Она не понимала, что происходит. Куда делся корабль?

– И вот эта бесчестная девчонка бросила свой корабль, команду и сбежала! – из дома послышался голос бабы Розарю. – Она убоялась меня, великой белой дряхлой богини. Она знала, что не может справиться со мной, и скрылась. Но я-то знаю, что корабль-невидимка не виноват, что его захватила Катерина Свирепая! Я поспешила за ней, и вот она здесь, у столба виновности.

Ее слова перекрыл одобрителный гул. Катя ничего не понимала. Что затеяла эта баба Розарю? Почему дружелюбные жители острова ей поддакивают? Девочка снова попробовала пошевелиться. Руки и ноги тут же заболели. И как только это терпят герои в фильмах?

За свою детскую жизнь Катя пересмотрела целый склад фильмов. Про индейцев, пиратов, войну и охотников за сокровищами. Практически в каждом из них была сцена с привязанным к дереву или столбу человеком. Но эти люди мужественно переносили боль и умудрялись одновременно придумывать планы беспощадной и коварной мести. А вот Кате хотелось заплакать. В конце концов, хоть она и была пираткой в этом сне, наяву Катерина – всего лишь маленькая девочка.

– Постойте! – Катя вдруг вспомнила, что это только сон! И снится он ей, Кате. – Эй, помогите кто-нибудь! – крикнула девочка. И тут почувствовала, как чьи-то руки развязывают веревки. Но никого видно не было.

– Моя невидимая команда! – поняла Катерина Свирепая. Еще минута и она свободна!

Ноги затекли, как после долгого просмотра мультиков в одной позе, но идти она вполне сможет. Вот только на ее призыв о помощи из дома выскочили островитяне. Стоят и смотрят, как она разминает ноги. И тут, согнувшись в три погибели и крихтя, из низенькой двери выползла баба Розарю. Одетая она была, как и прежде, – строго и элегантно. Но из волос ее торчало куриное перо. Катя засмеялась.

– Ну, что стоим? – голосом, в котором слышались сдерживаемые истерические нотки, спросила Роза Рюриковна. – Хватайте ее!

Катя побежала. За спиной сначала было тихо. Потом раздался многоголосый клич, и снова все стихло. Девочка боялась оглядываться. Перед ней невидимыми руками раздвигали острую высокую траву.

– Может, вы меня на руки возьмете? – спросила уже запыхавшаяся Катя.

Но ее помощники только пожали плечами и развели руками, всколыхнув воздух. Не могут.

– Что же делать? – ноги, не успевшие прийти в норму, подкашивались. За спиной слышался шорох.

7. Сельдереевые котлеты

- Сплюшка! – раздался над ухом ласковый мамин голос.
- Вот-вот! Почти с утра спит, – наябедничала бабушка. – Как кашу по дивану раскидала, так и спит.
- Я не раскидала, – пробурчала Катя. – Это была художественная лепка.
- Ты не заболела? – мам-зай, тревожно собирая брови в складочки, прижалась губами ко лбу ребенка. Катя стерпела. – Да вроде нет. Но на всякий случай, Кит... Папа, принеси градусник. Чего ж ты тогда спала? Тебя обычно не заставишь.
- Ну вот... – развела руками девочка. – Захотелось.
- Ну что? – когда градусник уже устроился подмышкой, а мамины босоножки полетели в прихожую, спросил папа. – Почитаем или порисуем?
- Порисуем, – вмешалась мам-зай. – У нас в прошлый раз очень здорово получилось.
- А ужин? – заискивающе спросил папа.
- А ужин Наина Степановна приготовила, – заговорщически подмигнула мама.
- Дааааа? – дуэтом протянули папа и дочь.
- Представляю, – фыркнул папа. – Может, сегодня в кафешку сходим? Отметим твой первый рабочий день. Да заодно ребенка накормим. Он у нас, судя по всему, голодный весь день.
- Идет! – просияла мам-зай.
- Они тихонечко, словно были тремя воришками, прокрались в прихожую. Мама на ходу вдела Катю в платье и натянула на голову панамку. Туфли и босоножки все трое взяли в руки, намереваясь надеть их за порогом. Но уже на самом пороге их застучала бабушка.
- Она вышла из кухни в высоком поварском колпаке и накрахмаленном белом переднике. В руках – огромное блюдо с подозрительно зелеными котлетами.
- Вы куда это собрались? – грозно спросила Инесса Блимм. – А ужин?!
- Мы пойдем прогуляемся, – за всех ответил папа, подталкивая женщин за порог. – И мы совсем не голодны!
- Когда дверь за троицей закрылась, баба Ная услышала оглушительный хохот. Но вместо того, чтобы разозлиться, она улыбнулась:
- Ну вот и прекрасно, – сказала она, припрятывая зеленые котлеты до следующего раза. Скинув поварскую атрибутику, Наина заспешила к телефону.
- Розочка, – восторженно задышала в трубку пожилая женщина. – У меня получилось. Сегодня их не будет весь вечер. Я жду тебя!
- Катя заснула у папы на коленях, даже не доев мороженое. Родители тревожно переглядывались.
- Может быть, ей свежего воздуха не хватает? Вот и тянет в сон. Надо побольше с ней гулять, – предположил папа, аккуратно устраивая Катю поудобнее.
- Может, ей нужны друзья? Можно выгуливать ее во дворе, – прошептала мама.
- Может, ей нужна мама, а, Арин? – тихо спросил Никита. – Далась тебе эта работа? Сиди дома...
- Далась, – упрямо подняла подбородок Арина. – Катерина все равно скоро в школу пойдет, а мне второй такой работы не найти.
- А, может, вам обоим не нужна работа? – не открывая глаз, спросила Катя. – Сидели бы все вместе дома. Гуляли, рисовали...
- Ты ее разбудила.
- Нет. – Арина присмотрелась к девочке. – Она спит. И даже во сне говорит о том, что ей нужны родители.

– Ну что ж, ритуал закончен удачно, – удовлетворенно сообщила Роза Рюриковна. – Хоть я боялась, что вечер слишком ранний.

– Я уже могу посмотреть? – заерзала Наина Степановна.

– Посмотреть можешь, – кивнула ее великодушная собеседница. – Но результата пока не увидишь. Я же говорила, что необходимы две-три процедуры для заметного влияния. В твоём случае – пять-шесть. Потому что эффект от вечернего ритуала слабее, – без труда перекрикивая Наину, начавшую было возмущаться, закончила Роза Рюриковна. – Твой дом и так благоволит к тебе, раз позволил мне закончить. Но если ты, Ная, хочешь, то можешь отказаться от моих услуг.

– Нет, нет, – прошептала Инесса Блимм, взяв себя в руки. – Как скажешь. Пусть будет столько сеансов, сколько надо. Только где же я возьму столько денег? Каждый твой приход стоит как небольшой слон.

– Я не возьму с тебя денег, – холодно бросила Роза Рюриковна.

– Не возьмешь?.. – Наина удивилась, и ее лицо стало похоже на кукольное. Приоткрытый рот, распахнутые настежь глаза... Если бы не морщинки, захватившие всю кожу, сходство было бы полным.

– Не возьму, – невозмутимо подтвердила искусительница. – Но мне нужна будет одна услуга.

– Какая? – в глазах пожилой женщины появилось детское любопытство.

– Всему свое время. А теперь проводи меня и закрой за мной дверь. И не забудь на ночь стакан молока. Чтобы закрепить эффект.

8. Игры с куклами

Катя проснулась оттого, что ее бережно положили в кровать. Удивительно, но никаких снов она не помнила. Вот и славненько.

– А мороженое? – требовательно спросила девочка, пока папа не успел закрыть дверь.

Тот вздрогнул, но мгновенно отреагировал:

– Мама в холодильник поставила. Вместо бабушкиных котлет. Спи!

– Смотрите! Без меня съедите – месья моя будет ужасна! – предупредила Катя.

– Бебебе! – папа скорчил уморительную рожицу, одну из тех, о которых мама говорила: «Таким я тебя и люблю».

Он закрыл за собой дверь. Но уже из коридора поскребся:

– Спокойной ночи. Пусть тебе приснятся ангелочки!

Сон никак не шел. И неудивительно. Катрин проспала почти весь день. Она долго устраивалась, взбивала подушку, представляя, что это воздушный крем. Потом девочке надоело валяться.

Она села в кровати и оглядела комнату. Прямо на ее кровати сидел беленький и кругленький лунный зайчик. В отличие от солнечных зайчиков, они гордые, независимые и холодные. Не любят играть, а предпочитают сидеть где-нибудь тихонько и подрагивать своей лунной шерсткой. Но кто же их спрашивает?

– Они не хотят играть, а я хочу, – решила Катя и набросила на зайчика одеяло. Конечно, таким образом его не поймать. Но зато девочка в процессе накидывания одеяла, сдерживая хихиканья, свалилась на пол. Ну вот, уже развлечение.

Побарахтавшись в одеяле на полу, Катя предприняла новую попытку поймать зайца. На этот раз она использовала подушку. Но лунный зверек снова уклонился. Девочке даже показалось, что она услышала, как он запел тоненьким-тоненьким голосочком:

– Я от Катечки ушел,
От подушки я ушел,
Одеяло мимо бемц!
Я молодец!

– Ну, подожди! – прошептала девочка. Она решила перейти к самому действенному способу ловли зайцев – руками!

Подойдя к тому месту, где на кровати развалился лунный кролик, Катя остановилась и сделала вид, что серебристое пятно ее совершенно не интересует. Она даже покачалась с пяток на носки, как это делают в кино, и попыталась посвистеть. А потом совершенно неожиданно прыгнула на кровать и накрыла зайца руками! Но что это? Зайца там не было!

Он оказался совсем рядом. На простыне, как раз там, где была нарисована морковка.

– Странно, – сама себе сообщила девочка, – наверное, не рассчитала.

Изображать незаинтересованность больше не имело смысла. Катя снова прыгнула и снова промахнулась. Но на этот раз она точно знала, что не ошиблась. Лунный заяц двигался!

Ну, это уже ни в какие ворота не лезло! Катерина завопила, забыв, что на вопль могут прибежать родители, и совершила несколько головокружительных прыжков. И каждый раз серебристое пятнышко ускользало от нее, двигаясь по кровати влево. Катя запыхалась и остановилась. А заяц так и не был пойман. Более того, он сполз на пол и пел свою дразнилку оттуда. Чтобы заглушить обидные слова, девочка запела на тот же мотив.

– Никуда ты не уйдешь!
Ты в тюрьму сейчас пойдешь!
Или я вот свет включу!
И все тогда!

Казалось, заяц понял, о чем песенка, и испугался. Он побежал от кровати, сверкнув на зеркальце, и остановился только около уголка с игрушками. Катя медленно подошла туда.

Она не помнила, как именно она оставила игрушки в прошлый раз, но была уверена, что не так. Кукла, которая была пираткой Катей, лежала за игрушечным домиком. А кукла Розарю стояла лицом к домику, и за ее спиной выстроились все Катины солдатики.

Когда-то Катерина настояла, чтобы ей их купили, несмотря на уверения мамы, что девочки не играют в солдатиков. Теперь она жалела об этом. Уж очень грозно выглядел этот маленький отряд.

Катя схватила куклу-себя. Куда бы спрятать ее так, чтобы никто не нашел? И тогда она придумала! В ее комнате лежал старый паркет. Родители уже несколько раз собирались перестелить его, но все находились непреодолимые препятствия. А Катя и рада была, что они находились. Под одним из некрепких брусков, рядом со стеной, образовалась небольшая ямка. Девочка еще немного углубила ее, сделав настоящим тайником, и прятала там свои сокровища.

Сейчас же все богатство полетело наружу, а в ямку улеглась кукла. Сделав дело, Катя уселась рассматривать свои драгоценности. В пластиковой коробочке, на которой фиолетовой ручкой и белым пластилином были изображены цветы, лежали самые любимые Катины вещицы. Здесь были деревянные с синими разводами, желтые пластмассовые и бесцветные стеклянные бусинки. Самые разные пуговицы. От гладких современных белых, до сложно переплетенных металлических, возраст которых затруднялась определить даже бабушка. Тут же лежала старая мамина бумажная кукла. Мама сама нарисовала ее, когда была совсем маленькой, и сделала для нее много одежды. Сейчас линии уже расплылись, и кое-где карандаш окончательно выцвел. Да и из одежек остался только красный в белый горох сарафан. Ждал своего часа засохший цветок, завернутый в пожелтевшую газету. Радовали глаз несколько разноцветных камушков, подобранных в разных местах, куда родители возили Катю на отдых.

Разглядывая сокровища, девочка думала о том, чего не понимала: почему взрослые разделяют дни на отдых и не отдых, и как отдых связан с монетками, которые зачем-то надо бросать. Но она доверилась родителям и приняла их мнение: мама и папа говорили, что, если хочешь вернуться куда-то, надо бросить монетку – вроде бы оставляешь частичку себя. У Кати монеток не было, и она предпочитала забирать с собой частичку места, где она была.

Папа смеялся, что когда-нибудь они не сумеют войти в квартиру из-за горы камней, которые привезет Катерина.

На самом дне коробочки скромно лежала обертка конфеты «Мишка на севере». Девочка точно знала, что это была ее первая конфета. Хотя родители утверждали, что были и другие «первые». Но что они понимают в конфетах? Эта была первая, которую Катя распробовала.

Утром Катю нашел папа, которого мама отправила будить ребенка, заявив, что ей еще волосы сушить. Папа прокрался в комнату, на носочках проскользнул к занавескам и, резко дернув, раздвинул их. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что постель пуста!

Но он не стал впадать в истерику, как это могла бы сделать мама, а обошел кровать. За кроватью, в гнезде из свернутого одеяла, Никита и увидел свою дочь, лежащую в обнимку с коробкой, где она хранила свои милые детские мелочи. Он тихонько вернулся в ванную, где засушивала бигуди Арина, и с заговорщическим видом потянул ее в Катину комнату. В ответ на недоуменные взгляды и попытки задавать вопросы, папа делал большие глаза и прикладывал к губам палец.

Когда они пришли и Никита показал свою находку, Арина так умилилась, что громко охнула. Находка зашевелилась, села на полу и мрачно объявила:

– А я не сплю.

– Ну, тогда вставай! – воскликнул папа. Подхватил Катю под руки и покружил, а потом подкинул в воздух.

Катину мрачность тут же сдуло. Зависнув под потолком на секунду, она заверещала.

Мама, глядя на дочь снизу, заверещала ей в ответ.

На все эти визги прибежала перепуганная бабушка. Но ей достаточно было одного взгляда, чтобы оценить ситуацию.

– А, это вы тут. Ну, тогда все понятно. – И, развернувшись, она поспешила к себе.

– Наина Степановна сегодня отлично выглядит. Прямо помолодела, – заметила Арина.

– Сон и сельдереевые котлеты, – рекламным голосом откликнулся Никита.

9. Знакомьтесь, Бублик

Утро прошло в спешке и смешках. Родители наскоро доедали бутерброды, подкармливая Катю виноградом. Катерина изображала тюленя. Она кричала «у- у-у!», пыталась удерживать виноградины на носу и хлопала в ладоши. Но, как всегда, утро закончилось в одно мгновение.

Родители коварно послали Катю умываться и чистить зубы. Пока девочка тархтела, пускала пузыри и стреляла из тюбика с пастой, Никита и Арина убежали. Катрин только и услышала, как хлопнула дверь. Когда она, шлепая ногами и выжимая майку, вышла в коридор, в квартире было тихо. Как будто родителей никогда и не было. И Кате вдруг стало страшно. Но присутствие родителей подтвердила желтая бумажка на холодильнике: «Любим, целуем. Обед в холодильнике. Вытащи бабушку погулять».

Читать Катерина умела, но не затрудняла себя тренировками. Но тут и не нужно было много читать. Мама нарисовала записку быстрыми штришками и силуэтами и прижала ее к дверце холодильника зайцем-магнитом. «Мам- зай,» – улыбнувшись, подумала девочка. Она залезла на стул и сняла бумажку. Поднесла поближе к глазам и еще раз рассмотрела три обнимающиеся фигурки с ручками-ножками-палочками, нарисованные губки, кастрюльку и стрелочку от нее, указывающую на холодильник. И сгорбленную фигурку с палочкой рядом с деревцем. Бабушка никогда не ходила с клюкой или тростью. Но мама посчитала, что так будет понятнее. Или решила, что клюка бабе Нае очень даже подходит. Катя хихикнула. Так ходят в кино баба Яга, злые ведьмы... И просто старушки со слабыми ногами.

Спрятав бумажку в своем шкафу, Катерина пустилась исследовать дом. Она много раз совершала экспедиции и даже рисовала карты их с родителями квартиры. Но каждый раз обнаруживалось что-нибудь новенькое, и предыдущая карта признавалась недействительной.

Мама потихоньку складывала все рисунки в одну папку. На вопрос Кати ответила, что потом, когда Катя вырастет, ей самой будет интересно посмотреть. Но девочка отвергла это предположение, заявив, что в неправильных картах нет ничего интересного.

Катерина Мудрая решила, что уж сегодня она не даст сну себя побороть и расправится со временем – научит его вести себя правильно. Быстро оббежав квартиру, девочка убедилась,

что прошлая карта как всегда неверна, и нужно бы рисовать новую. Но кропотливый труд над картой точно усыпит ее.

Выход – улица! На улице – воздух, который считает полезным для здоровья мам-зай; мальчишки, бег за которыми считает полезным для фигуры сама Катя; и куча мест для исследований, которые считает полезными для развития папа.

Столько всего в одном слове – гулять!

Вытаскивать на улицу бабушку девочка и не подумала. Долго уговаривать, а толку потом никакого. Сядет где-нибудь на скамеечку, примет поэтическую позу и будет читать. Мама говорит, что баба Ная читает то, что пишет сама, – стихи о поруганной любви и женские романы.

Натянув любимый комбинезон с девятью карманами и майку с утятами, Катерина потихоньку прошмыгнула за дверь. В подъезде она пересчитала все ступеньки, исполняя на каждой пятой художественную ласточку.

Во дворе девочку встретили несколько новых ярких пятен. Куст, расцветший за ночь большими красными цветами. Катя решила, что, когда пойдет домой, сорвет один – подарить маме. Она бы сорвала и сейчас, но у нее уже был опыт беганья с цветами,

и ничего интересного из этого не вышло. А Катрин Быстроногая собиралась бегать, прыгать и кружиться.

На стене соседнего дома появился свежий плакат, на котором какой-то малыш засовывал отвертку в розетку.

– Вот глупый, – хмыкнула мудрая Катя, которой папа уже прочитал две лекции на тему природы электричества. – Там же ничего интересного, кроме тока. Есть столько мест, куда можно засунуть отвертку! А он...

В песочницу привезли новый влажный и рыжий песок. Малышня уже вовсю возилась в нем. А среди них Васька Кошкин. Он помахал Кате ладонью с прилипшим песком и противным голосом пропел:

– Катечка делает ласточку!

– И когда успел подсмотреть? – удивилась Катя.

Но можно ли это считать поводом для догонялок? А почему бы и нет? Это ее игра и она сама устанавливает правила! С гиканьем и хрюканьем Катерина понеслась в сторону Васьки. Но тот был готов к такому повороту и припустил из песочницы с низкого старта.

Бегать – хорошо. Бегать – приятно. А если ты кого-то догоняешь, весь твой мир сжимается на спине противного мальчишки, который сам ласточку делать не умеет, а туда же – дразнится. Справа и слева весь мир в смазанной ленте цветов. Воздух становится почти твердым, и ты борешься с ним, разбиваешь его грудью, как какой-нибудь мифический герой. А он хлещет тебя по щекам и дергает за волосы. Но поздно, ты уже впереди. У тебя красные щеки и блестящие глаза. Асфальт и земля становятся одинаково податливыми. И тот, и другая одинаково пружинят, подбрасывая тебя вверх. И несколько секунд парения... А потом снова встреча ног с землей.

Спина в грязной майке не удаляется и не приближается. Отлично. Ваську можно взять измором. Мама говорит, что у него дыхалка – ни к черту: его мама сильно курит. Катерина не понимала, как это связано между собой. Папа вот тоже курит. Но верила. Кошкин, действительно, очень быстро выдыхался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.